

Японские исследования. 2019. № 4. С. 88–102.

Japanese Studies in Russia, 2019, 4, pp. 88–102.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10030

«Система 1955 года» как уникальный исторический феномен

Д.В. Стрельцов

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сложившейся в Японии в 1955–1993 гг. партийно-политической системы, позволяющие охарактеризовать её как уникальную для мирового опыта истории демократических стран модель доминантной партии.

Специальное внимание уделяется уникальному инструментарию сохранения доминантных позиций ЛДП в парламенте страны, особое место в котором занимали электоральные технологии, и прежде всего ставка на персональную ориентацию японских избирателей, а также лоббистские возможности влиятельных депутатов ЛДП, которые предоставляли им существенные преимущества в деле электоральной мобилизации. Персонально ориентированные связи с избирателями позволяли ЛДП рекрутировать представителей самых различных социальных страт. Механизмы обратной связи правящей партии с обществом позволяли эффективно учитывать все усложняющиеся интересы и ценности отдельных социальных групп и слоёв в форме консолидированной государственной политики.

Правящая партия создала мощный аппарат политического планирования и поддерживала тесные связи с бюрократией. Важную роль в системе власти ЛДП играли механизмы внутрипартийной демократии и плюрализма мнений, которые обеспечивали в рядах партии консенсус на основе межфракционного баланса сил.

В статье приводятся несколько причин завершения эпохи «системы 1955 года». Прежде всего, в связи с распадом СССР и завершением биполярной эпохи исчез водораздел идеологической конфронтации между партиями. Другая причина заключалась в том, что к концу 1980-х годов в результате изменения модели экономического развития стало невозможно постоянно финансировать за счёт государственного бюджета многочисленные инфраструктурные проекты в депрессивных регионах страны, в результате чего существенно понизилась роль политической власти как субъекта перераспределения избыточного общественного продукта. Изменилась и электоральная психология, в связи с чем традиционные методы мобилизации голосов избирателей, используемые ЛДП, утратили свою эффективность. Наконец, сыграло свою роль массовое недовольство правящей партией, связанное со стремительным расширением политической коррупции, в которую оказалась втянутой вся верхушка ЛДП.

Ключевые слова: Япония, «система 1955 года», Либерально-демократическая партия, модель доминантной партии, консерватизм, консенсус.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: dmstrl@gmail.com

The System of 1955 as a unique historical phenomenon

D.V. Streltsov

Abstract. The article discusses the characteristic features of the party system in Japan in 1955–1993, which give the grounds to describe its distinctive nature as a dominant party model that was unique to the global historical experience of democratic countries.

Special attention is paid to the unique toolkit used by the Liberal Democratic Party to preserve its dominant positions in the Diet. An emphasis is put on the electoral technologies, and, first of all, on the personalistic orientation of Japanese voters, as well as on the lobbying capabilities of influential LDP MPs, which provided them with significant advantages in electoral mobilization. The personality-oriented relationship with electors allowed the LDP to recruit representatives of various social strata. The feedback mechanisms of the ruling party with the society made it possible for the LDP to effectively address increasingly complicated interests and values of individual social groups and strata by means of a consolidated state policy.

The ruling party created a powerful political planning apparatus and maintained close ties with the bureaucracy. An important role in the system of power of the LDP was played by the mechanisms of inner-party democracy and the pluralism of opinions, ensuring a consensus within the party ranks based on the interfactional balance of power.

The article gives several reasons for the end of the era of the “1955 system”. First of all, due to the collapse of the USSR and the end of the bipolarity era, the dividing line of ideological confrontation between parties disappeared. Another reason was the fact that, by the end of the 1980s, due to the change of the model of economic development, it became impossible to finance numerous infrastructure projects in depressed regions of Japan, resulting in substantially decreased role of political authorities as the subject of redistribution of surplus social product. Electoral psychology had also changed, and the traditional methods of mobilizing votes used by the LDP had lost their effectiveness. Finally, a certain role was played by mass discontent with the ruling party, associated with the rapid expansion of political corruption, in which the entirety of the LDP leadership was involved.

Keywords: Japan, “the 1955 system”, Liberal Democratic Party, dominant party model, conservatism, consensus.

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russia, Leading researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: dmstrel@gmail.com

Феномену доминантных партий уделяется огромное внимание в исторической науке уже более полувека. И для этого имеются серьезные основания. Авторитарные системы, основанные на длительной власти одной партии, получили в послевоенной мировой истории достаточно широкое распространение, причем не только в странах афро-азиатского мира. Системы власти с заметным доминированием какой-либо одной политической силы оказались востребованными даже в демократических странах Запада.

К числу наиболее известных страновых кейсов с системами доминантных партий можно отнести, например, Тайвань (Гоминьдан), ЮАР (Африканский национальный конгресс), Швецию (Социал-демократическая партия), Италию (Христианско-демократический союз),

Индию (Индийский национальный конгресс). Многообразии мирового опыта режимов доминантной партии наблюдалось не только в плоскости партийной конфигурации политических систем, но и в идеологической, институциональной, государственно-управленческой и иных сферах. В период с начала 1950-х годов вплоть до конца 1980-х из 23 стран с либеральной демократией только четыре пережили значимые изменения в системе политических партий [Окадзава, 1996, с. 4]. В целом либеральные демократии оказываются достаточно устойчивыми к внешним изменениям, а в политическом развитии большинства из них наблюдалась огромная инерция и существенная степень преемственности.

Однако пример японской модели доминантной партии, пожалуй, считается уникальным. И причин тому несколько. Прежде всего, обращает на себя внимание длительность правления одной политической силы при сохранении всех демократических институтов и процедур: Либерально-демократическая партия Японии обладала абсолютным большинством в нижней палате парламента с 1955 по 1993 г. (38 лет) и в верхней палате с 1955 по 1989 г. (34 года). Это не является абсолютным рекордом для страны с демократическим правлением. Например, в Швеции и Италии доминантные партии находились у власти без перерывов ещё дольше, чем ЛДП, хотя эти партии не имели абсолютного большинства в парламенте в течение столь продолжительного периода. Однако в Японии даже в период наихудшего для себя соотношения сил ЛДП имела примерно в 2 раза больше мандатов в нижней палате парламента, нежели её наиболее сильный соперник – СПЯ.

Уникальность феномена «системы 1955 года» заключается не только в отсутствии аналогов в мире по формальным показателям продолжительности правления и парламентскому представительству одной политической силы, но и в создании ею специфического инструментария удержания власти. Помимо Японии, в послевоенной мировой истории, пожалуй, нет другого примера демократического государства, в котором монополия одной партии на власть, при сохранении всех демократических институтов и наличии в парламенте реально действующей оппозиции, продолжалась почти четыре десятилетия.

Японский опыт интересен и с той точки зрения, что длительность господства одной политической силы привела к складыванию особой партийно-правительственной системы принятия решений, в рамках которой государственная политика вырабатывалась параллельно в бюрократических структурах правительства (министерствах и ведомствах) и органах политического планирования ЛДП (Советах по политическим и по общим вопросам), которые вместе составляли целостный механизм. Пожалуй, этот опыт, нехарактерный для капиталистического государства с демократической формой правления, создаёт аналогии только с СССР и другими социалистическими странами, в которых правящая партия была встроена в бюрократическую систему подготовки государственных решений.

«Систему 1955» можно оценивать, основываясь как на её узком понимании «партийно-политической системы 1955–1993 годов», для которого отправной точкой является партийная конфигурация, так и на её более широком восприятии как всей системы монопольного господства ЛДП, включающей экономические, социальные, административные, национально-психологические, культурные и иные аспекты. При втором подходе главный фокус исследовательского интереса должен быть сосредоточен не столько на межпартийных и внутривнутрипартийных связях, сколько на проблемах функционирования всей системы власти, включая вопросы взаимодействия политической власти с государственной

бюрократией и деловыми кругами, «железных треугольников», принятия государственных решений и т.д. Поэтому при анализе системы власти в Японии периода холодной войны, проведённых с широких политологических позиций, упор делается на комплекс взаимоотношений политиков с государственной бюрократией.

Административно-политическая система Японии периода холодной войны, заточенная на реализацию задач послевоенного экономического развития в рамках мобилизационной модели, хорошо известна в мировом академическом дискурсе, как «система 1940 года». Из её названия следует, что данная система сложилась в рамках мобилизационной экономики военного времени, а в послевоенный период была унаследована и сохранена политической властью в слегка модифицированном виде, с учётом задач «догоняющего развития». «Система 1955 года» приспособила базовые принципы принятия стратегических решений в экономической сфере, присущие экономике военного времени, к потребностям мобилизационной модели послевоенного периода. Поэтому принципы «системы 1940 года» стали в расширительном смысле частью «системы 1955 года».

Осмысление опыта «системы 1955 года» оказывается исключительно актуальным и в современных условиях. Либерально-демократическая партия в 1994 г. вернулась к власти, на этот раз не в качестве доминантной партии, а в составе коалиционного правления, и за исключением короткого трёхлетнего периода удерживает бразды правления вот уже на протяжении четверти века. В этой связи закономерен вопрос: в чём причина устойчивости и поразительной эффективности феномена доминантной партии, которая оказывается востребованной в Японии даже несмотря на существенное изменение геополитических условий после окончания биполярного периода?

Среди отечественных исследователей закрепился стереотипизированный образ «системы 1955 года» как специфической модели партийно-политической системы, не имеющей аналогов в послевоенной истории стран с либеральной демократией. К наиболее существенным характеристикам этой модели обычно относят её внешние признаки – наличие доминантной партии и длительность однопартийного правления, а также консерватизм как идейную основу власти доминантной партии. Однако сложившиеся стереотипы во многом ограничивают возможности анализа «системы 1955 года» как уникального исторического феномена, обладающего рядом характерных особенностей.

В настоящей статье попытаемся ответить на ряд вопросов, которые, на взгляд автора, позволили бы более полно осветить суть этого феномена. Каковы структурные характеристики «системы 1955 года», и прежде всего особенность партийной конфигурации на разных этапах её развития? Каковы особенности идейно-политической ориентации доминантной партии, определившие успех её длительного правления? Какой инструментарий использовала ЛДП для удержания власти и почему он оказался столь эффективным, позволив ЛДП сохранять своё доминантное положение в парламенте на протяжении почти четырёх десятилетий? Наконец, насколько закономерным было завершение эпохи «системы 1955 года»?

Примечательно, что само по себе образование «системы 1955 года» произошло в достаточно короткий по историческим меркам период. На первых послевоенных выборах в парламент Японии участвовало более трёхсот партий. Быстрыми темпами, однако, происходило укрупнение партий, уточнение их программ, шёл процесс слияний и поглощений. Это привело к «умеренной многопартийности», а затем и к двухпартийной системе.

Начало этой системы было положено 15 ноября 1955 г. созданием в результате объединительного съезда Либеральной и Демократической партий Либерально-демократической партии. Решение о начале консультаций о слиянии было принято в ответ на состоявшееся в начале 1955 г. объединение Правой илевой социалистических партий. Объединённая СПЯ стала третьей политической силой в стране, сразу же заявив о своих претензиях на власть. Риск прихода к власти левой партии заставил две консервативные партии различной ориентации¹ забыть об имеющихся противоречиях и предпринять решительные действия для недопущения любых непредсказуемых сценариев развития политической ситуации в стране.

После создания ЛДП на политической арене Японии стали доминировать две политические силы – правоконсервативная Либерально-демократическая партия (ЛДП) и леволиберальная Социалистическая партия Японии (СПЯ). Именно год рождения ЛДП дал название «системе 1955 года», которая на первом этапе обозначала партийную систему, в которой превалировали эти две политические силы.

На первых же после образования ЛДП выборах в палату представителей парламента, состоявшихся в 1958 г., эти две партии совокупно получили 91 % всех голосов избирателей и 97 % депутатских мандатов. ЛДП получила 298 мест из 512, что более чем в 2 раза превышало количество завоёванных СПЯ 131 мандата. Это дало основания назвать возникшую в 1955 г. партийную систему «полупартийной», при которой ЛДП составляла «одну партию» и СПЯ – «половину партии». Данный термин впервые был использован в 1960 г. Робертом Скалапино и Масуми Дзюнноскэ для характеристики партийной конфигурации в Японии, в рамках которой «одна партия» всегда находится у власти и «половина партии» (т.е. СПЯ. – Д.С.) является «вечной оппозицией» [Hrebegar, 1992, p. 6].

В период 1955–1960 гг. СПЯ в качестве главной оппозиционной силы страны неоднократно удавалось не только затянуть процесс прохождения правительственных законопроектов через парламент, но и полностью заблокировать их. Столкновения между правящей партией и оппозицией носили исключительно конфронтационный характер, приводя к парламентским баталиям. Правящей партии нередко приходилось применять силовые методы для проталкивания законопроектов, предполагавшие использование чрезвычайных полномочий спикера, процедурные уловки и даже прямое физическое воздействие в отношении оппозиционных депутатов, с привлечением парламентской полиции. В свою очередь Социалистическая партия активно мобилизовывала своих сторонников на антиправительственные уличные акции – демонстрации, митинги, сидячие забастовки и т.д. Наивысшего пика политическое противостояние достигло в 1960 г., когда СПЯ и ЛДП заняли противоположные позиции по вопросу об отношении к договору с США в период его ратификации в парламенте.

Следует отметить, что начиная с первых с момента появления ЛДП, выборов в парламент в июле 1956 г. в верхнюю и в мае 1958 г. – в нижнюю палату, у правящей партии на протяжении всего периода её однопартийной власти ни разу не было квалифицированного большинства даже в одной из палат парламента, не говоря уж об обеих. Большинство в две трети голосов требовалось ей для инициирования поправок в конституцию с целью изменения

---

¹ Либеральная партия выступала против пересмотра 9-й статьи конституции и за одностороннюю внешнеполитическую ориентацию на США, Демократическая – за пересмотр конституции, создание полноценных вооружённых сил и проведение более самостоятельного курса на мировой арене.

статьи 9, легализации вооружённых сил и разворачивания полномасштабного военного строительства, что, по сути, было одной из основных целей создания объединённой партии.

Вместе с тем недостаточно сил для того, чтобы бросить вызов ЛДП, было и у социалистов. Даже в период своего наибольшего могущества они никогда не имели в нижней палате больше 167 мест и больше 84 в верхней, т.е. не более половины того, что было в распоряжении ЛДП. А после подписания 19 января 1960 г. японо-американского Договора о гарантиях безопасности, СПЯ вновь раскололась по вопросу об отношении к этому договору, результатом чего стало появление левоцентристской Партии демократического социализма (ПДС), стоявшей на позициях приемлемости для Японии этого альянса. В ноябре 1964 г. на базе небуддистской секты Сока гаккай появилась центристская партия Комэйто.

К тому же СПЯ в 1969 г. потерпела достаточно крупное поражение на выборах, в результате которого она хотя и не утратила статуса второй оппозиционной силы страны, но значительно поколебала в глазах избирателей свой имидж единственной реальной альтернативы ЛДП. К этому времени на политической арене страны партийная система была по своей конфигурации уже далеко не «полупартийная» – скорее она отвечала формуле «одна сильная – четыре слабых партии» («сильная» ЛДП, «слабые» СПЯ, Комэйто, ПДС и Коммунистическая партия Японии (КПЯ)).

В 1970-е годы политическая ситуация ещё сильнее отклонилась от модели «полупартийной системы». С течением времени всё большую долю голосов стали получать партии, тяготеющие к политическому центру, а всё меньшую – «системные партии» в лице ЛДП и СПЯ. Например, если на парламентских выборах 1958 г. ЛДП получила 57,8 % голосов избирателей, то в 1976 г. – только 41,8 %. При этом доля получаемых СПЯ сократилась с 32,9 % в 1958 до 20,7 % в 1976 г. [Curtis, 1988, p. 19]. В 1976 г. к оппозиционному лагерю прибавился Новый либеральный клуб, а в 1978 г. – Социал-демократический союз (СДС). К концу 1970-х годов на политической арене существовало шесть «слабых» оппозиционных партий, над которыми довлела одна «сильная». К тому же сама ЛДП в середине 1970-х, когда совокупная мощь оппозиции в парламенте достигла её уровня, утратила статус безоговорочно доминантной партии, а после разгоревшегося в 1976 г. «скандала Локхид», в который оказалась вовлечённой вся верхушка правящей партии, она утратила и моральные основания на роль главной политической силы страны. Это дало повод некоторым историкам говорить о закате «системы 1955 года» уже с середины 1970-х годов. Например, по мнению Оно Кодзи, политическая история Японии вступила в переходный период от «системы 1955 года» к эпохе коалиционных правительств сразу же после «дела Локхид» [Ямагути, 1998, с. 213].

К началу 1970-х годов, когда в парламенте имели ощутимое представительство уже пять партий, термин «полупартийная система» по сути уже перестал соответствовать реальности. Однако поскольку ни одна партия, помимо ЛДП, не имела возможностей прийти к власти, японский политолог Икэ Нобутака для характеристики сложившейся конфигурации ввёл термин «система доминантной партии» (one-party-dominant system) [Hrebenar, 1992, p. 6]. Таким образом, эволюция партийной системы шла в послевоенный период по следующей траектории: радикальная многопартийность – умеренная многопартийность – двухпартийность («полупартийная система») – система доминантной партии.

Несмотря на усложнение и диверсификацию партийно-политического пространства, основные закономерности, касающиеся системы однопартийного правления оставались в

целом неизменными на протяжении всего периода власти ЛДП. Однако с течением времени происходила их умеренная трансформация в направлении роста роли согласовательных механизмов между ЛДП и партиями оппозиции при принятии государственных решений. Своей кульминации этот процесс достиг в середине 1970-х годов, когда в парламенте сложился баланс сил (*хакутю*) между правящей партией и оппозицией. В результате ЛДП с ещё большей осторожностью стала относиться к изменению конституции и проведению масштабного военного строительства, которые не получали одобрения как минимум среди половины японских избирателей, голосовавших за оппозицию.

Следующий вопрос касается идейно-политических аспектов «системы 1955 года». Сложившийся ещё в советское время в отечественном японоведении стереотип заключается в том, что «реакционная» ЛДП, отражавшая интересы крупной буржуазии, противостояла в парламенте «прогрессивным» силам в лице СПЯ и других сил левой ориентации [Латышев, 1967, с. 6–8; Макаров, 1988, с. 80]. Уже на начальном этапе существования этой системы для характеристики идеологического противостояния использовались весьма красноречивые эпитеты и в японском академическом дискурсе: СПЯ и КПЯ, ориентировавшихся на мировой социалистический лагерь, стали называть «реформистами» (*какусинха*), тогда как ЛДП, выступавшую за членство страны в возглавляемом США западном мире, – «консерваторами» (*хосюха*). Понятие «консерватора», кстати, имело тогда в японском политическом сленге негативную коннотацию, будучи синонимом термина «реакционер».

Следует отметить в этой связи, что основной идеологический водораздел между ЛДП и партиями оппозиции традиционно проходил по опросам внешней политики и безопасности. Камнем преткновения стали вопросы о том, следует ли стране соблюдать 9-ю статью Конституции, запрещающую Японии иметь собственные вооружённые силы, продолжать ли ей курс на сотрудничество с Америкой в области военной безопасности, обзаводиться ли ядерным оружием и т.д. Соответственно, правящая Либерально-демократическая партия ратовала за ориентацию военной политики на американские гарантии безопасности, проведение политики наращивания вооружённых сил, отмену 9-й статьи и легализацию военного потенциала, членство Японии в западном блоке, тогда как противостоящая ей Социалистическая партия Японии – за отказ от вооружённых сил и верность конституции, проведение на международной арене политики невооружённого нейтралитета, ориентацию на «силы мира и социализма» и т.д.

Борьба между «консерваторами» и «реформистами» шла и по иным идеологическим вопросам: общественный порядок и полномочия полиции («консерваторы» были за ужесточение этих прав во имя «защиты порядка», «реформисты» – за защиту свобод граждан и против усиления полномочий правоохранительных органов); система образования («консерваторы» – за воспитание патриотизма и уважение к национальным традициям, включая отказ от огульного «очернения» истории страны в период милитаризма, «реформисты» – за пацифизм и против возрождения «традиционных ценностей», на которых строилась милитаристская и верноподданническая пропаганда довоенного времени); государственные символы («консерваторы» выступали за введение традиционного летоисчисления и исполнение государственного гимна в школах, «реформаторы» были против).

Парадокс заключался в том, что «реформистские» силы в лице СПЯ и КПЯ стояли за незыблемость конституции (т.е. сохранение статус-кво), тогда как «консервативная» ЛДП –

за изменение сложившегося порядка (реформу конституции и проведение активной оборонной политики). Однако гораздо более существенный парадокс заключался в том, что «консервативная» ЛДП, в противоположность своему стереотипизированному имиджу защитника интересов крупной буржуазии, проводила весьма гибкую и прагматическую политику в интересах всего общества, политику, которая обеспечила Японии благоприятные условия для послевоенного экономического развития.

Казалось бы, ситуация, при которой «реформистская» СПЯ выступает оппонентом «консервативной» ЛДП, предполагает острое идеологическое противоборство между идеологиями капитализма и социализма, рыночного фундаментализма и социально ориентированного дирижизма, между ориентацией на либеральные ценности и свободу предпринимательства и на социальную справедливость и социальные гарантии. В реальности же ЛДП отказалась от какой-либо односторонней программной идеологии и стала придерживаться сугубо прагматического подхода к решению любых вопросов внутренней политики. Поэтому ЛДП и СПЯ, оставаясь двумя основными политическими игроками, фактически не выступали конкурентами, как это бывает при «классической» двухпартийной системе.

Идейной основой ЛДП считается консерватизм. Однако массовый консерватизм в Японии не носил идейного характера, проявляясь скорее в национальной психологии, традициях и бытовых привычках. В своей экономической политике ЛДП учитывала, что принципы рыночного фундаментализма, следствием которого становятся острые социальные контрасты, чужды национальным ценностям Японии и национальной психологии японского этноса, построенных на примате идей эгалитаризма и социальной справедливости.

Поэтому развитие Японии в условиях «системы 1955 года» шло по пути недопущения «диких» проявлений капитализма. Правящая партия, руководство которой составили политики ещё довоенного поколения, продолжала руководствоваться постулатами этатистской идеологии, предполагавшими особую роль государства в экономике. Главными принципами, на которых зиждилась идея мобилизационного развития, были опора на коллективизм и командное мышление, ставка на картели и финансово-промышленные группы как базовую форму организации экономического управления, на огромные полномочия административных органов в экономической сфере. Иными словами, речь шла о капитализме административно-командного (или административно-управленческого) типа. Следствием этого подхода стал ограниченно рыночный характер послевоенной экономики, отличительными чертами которой явились стирание граней между трудом и капиталом, перекрёстное владение акциями, высокая степень участия государства в экономике, большое количество регулирующих норм и т.д. [Танака, 1994, с. 62–63]. Ещё один стереотип в отношении «системы 1955 года» заключался в том, что ЛДП отражала интересы буржуазии и сельского населения (фермеров), а СПЯ – рабочего класса и городских слоев. Однако в реальности ситуация была иной: СПЯ имела хорошие позиции и в сельской местности, тогда как ЛДП неплохо выступала на выборах и в городах. Так, уже на первых после оформления «системы 1955 года» выборах в нижнюю палату 1958 г. СПЯ набрала в «сельских округах» 34 мандата, что было хоть и существенно меньше, чем ЛДП, но совсем немало. В свою очередь, ЛДП на тех же выборах имела достаточно сильную поддержку в городских округах, получив 49 депутатских мест – столько же, сколько и СПЯ [Суэтакэ, 2011, с. 222]. Подобное положение с небольшими отклонениями сохранялось на протяжении всего периода

«системы 1955 года». Таким образом, как ЛДП, так и СПЯ, в реальности были общенациональными партиями с прочными позициями во всех избирательных округах и в этом смысле отличались от прочих оппозиционных партий, делавших ставку на победу только в отдельных регионах страны, где у них были сильные позиции.

Важным фактором длительного господства ЛДП явилась её способность откликаться на широкие общественные запросы. ЛДП проявляла перманентную способность к расширению своей социальной базы и, соответственно, властного ресурса. Универсальность, «всеядность», всеобъемлющий характер ЛДП представлял её естественное преимущество перед прочими партиями (и в первую очередь, СПЯ), которые были связаны достаточно жёсткими ограничениями, прежде всего, идеологического плана.

Этому предшествовал период «разброда и шатаний». До 1955 г. в японском парламенте действовало около 50 депутатских фракций (партий и депутатских групп), и ЛДП была по счёту 51-й такой группой [Суэтакэ, 2011, с. 226]. При этом в создании ЛДП не приняли участия только семь, включая четыре политические партии (КПЯ, Рабоче-крестьянская, Социал-демократическая и Кооперативная). Иными словами, ЛДП, появившаяся как аморфный конгломерат различных политических сил, с самого начала интегрировала огромный спектр общественных интересов и ценностей. Это давало ЛДП возможность бесконечного расширения её властного ресурса в качестве доминантной партии. Именно эта её особенность позволяла ЛДП позиционировать себя как партию, представляющую интересы всего народа, а не интересы отдельных социальных групп и слоёв.

По логике вещей, внутренняя аморфность и идейная неконсолидированность ЛДП с самого начала таили в себе риск раскола. Один из инициаторов объединения консерваторов, Мики Букити, осознавая, что столь разные по программной ориентации партии, как Либеральная и Демократическая, смогут ужиться под одной крышей только при наличии серьёзной внешней угрозы, говорил: «Хорошо бы если бы ЛДП не распалась хотя бы лет десять» [Суэтакэ, 2011, с. 225]. Однако инстинкт самосохранения и выгоды от положения правящей партии заставляли однопартийцев находить такие механизмы сосуществования, которые при всех внутренних противоречиях предотвращали бы распад партии. Межфракционная борьба шла по определённым правилам, существовали принципы ротации высших партийных кадров, правила занятия должностей по выслуге лет, правила взаимного баланса сил между фракциями.

Поддержание внутрипартийной демократии и плюрализма мнений, обеспечение консенсуса на основе межфракционного баланса сил стали важными методами сохранения власти ЛДП и недопущения раскола партийных рядов в период её однопартийного правления [Richardson, 1997, p. 56–58]. Партийные фракции обладали достаточными финансовыми и организационными ресурсами и пользовались существенной автономией, гарантируя своим членам иммунитет от преследования, например, за критику руководителей конкурирующих фракций. Межфракционное соперничество внутри ЛДП по сути подменило собой межпартийное соперничество, которое должно было бы сложиться в «нормальной» демократической стране.

Кроме того, ЛДП удавалось не допускать объединения против себя оппозиционных сил и держать эти силы в состоянии хронического раскола, например, путём внесения в электоральную повестку дня таких вопросов международно-политического или идеологического

характера, где противоречия между самими оппозиционными партиями проявлялись сильнее, чем даже между левыми и правыми парламентскими партиями.

Значимым методом сохранения господства ЛДП также выступали механизмы смены лидеров. Регулярные отставки премьер-министров и переформирование кабинета министров позволяли ЛДП создавать имидж обновлённой партии и таким образом реабилитироваться в глазах избирателей после очевидных провалов или коррупционных скандалов. Следует признать, что специфические методы «выбора» премьер-министра путём межфракционных консультаций открывали дорогу во власть наиболее лояльным и компромиссным политическим фигурам, которые не обязательно пользовались высоким общественным авторитетом. К тому же с середины 1970-х годов, когда произошло резкое укрупнение одной из партийных фракций, в партии сложилась система «двойной власти»: пост главы партии и премьер-министра занимал один политик, а реальными полномочиями по принятию кадровых и иных стратегических решений обладал формальный или неформальный лидер этой фракции. Например, К. Танака, С. Канэмару, Н. Такэсита, И. Одзава на разных этапах своей политической карьеры уходили со всех партийных постов, но продолжали контролировать партию в неформальном качестве «кингмейкеров».

ЛДП исключительно умело использовала электоральные технологии, к числу которых следует отнести ставку на персональную ориентацию японских избирателей; самоустранение ЛДП от ответственности за ведение избирательных кампаний индивидуальных кандидатов с предоставлением им права использовать партийный бренд (ЛДП как «партия-франшиза»); в сельской местности и малых городах – опору на «твёрдые голоса» и их мобилизацию с помощью «обществ поддержки»; в крупных городах – опору на средний класс, его мобилизацию через различные профессиональные, корпоративные, любительские, местные и иные структуры, вовлечение этих структур в сферу клиентелистской политики.

Правящая партия предоставляла определённым избирательным округам или корпорациям преимущества при бюджетном финансировании отдельных государственных проектов. Как правило, речь шла об округах с депрессивной экономикой, сильно зависевших от финансовой поддержки из центра, либо о компаниях, специализирующихся на освоении бюджетных средств. Такая поддержка, в основном в форме масштабных общественных работ, была результатом лоббистской деятельности влиятельных депутатов ЛДП, которые создавали подобным образом свою личную электоральную базу. Лоббистские возможности влиятельных депутатов парламента от ЛДП давали им существенные преимущества в деле «сбора голосов», что в свою очередь способствовало консолидации электоральной базы ЛДП [Masumi, 1995, p. 499].

Основной ареной клиентелистской политики в период «системы 1955 года» служили средние (полиномиальные) округа, голосование в которых было партийно-индифферентным и персонально ориентированным. Избирательная система обеспечивала аграрные и малонаселённые избирательные округа, расположенные в основном в горной местности или на побережье Японского моря, повышенным уровнем представительства в парламенте (разница в «цене голоса» избирателей между аграрными и урбанизированными округами достигла к концу биполярного периода более чем двукратной отметки). Именно от этих округов, откуда ЛДП традиционно черпала «твёрдые» голоса, избиралась в парламент подавляющая часть партийного руководства.

Создав монополию власти, ЛДП на долгие годы монополизировала и процесс взаимоотношений политической власти с ведомствами, занимавшимися региональным развитием, включая Министерство сельского хозяйства, Министерство строительства, Министерство внешней торговли и промышленности (т.е. министерства экономического блока). Если учесть, что ЛДП через систему «обществ поддержки» отдельных депутатов, взаимоотношения с профильными структурами, ставшими объектом клиентелистской политики государства, создала мощные и разветвлённые сети, связывающие её с самыми разными общественными слоями и группами, можно уверенно сказать, что правящая партия смогла утвердить свою монополию на власть, опираясь на реальные принципы народного представительства. При этом опора электоральной политики на «общества поддержки» и на персональную, а не партийную ориентацию избирателей, позволяли ЛДП «держать руку на пульсе» ситуации на местах.

Персонально ориентированные связи с обществом заключались также и в том, что ЛДП рекрутировала в свой состав представителей самых различных социальных страт. При этом особое место в её кадровом составе всегда занимали бывшие государственные служащие. Традиция опоры на бывших бюрократов первого эшелона восходит ещё к периоду начала 1950-х годов: премьер-министр С. Ёсида вводил в состав своих кабинетов (1948–1954 гг.) множество бывших высших бюрократов ещё довоенной закваски, включая тех, кто в дальнейшем возглавил правительство (Э. Сато, Х. Икэда и др.).

Большую роль для стабильности системы политической власти ЛДП играло и создание ею разветвлённого аппарата для подготовки и согласования стратегических решений, которые в дальнейшем обретали силу закона либо постановления кабинета министров. По сути ЛДП стала крупнейшей среди правящих партий развитых капиталистических стран, штаб-квартира которой имела столь мощный аппарат политического планирования. Именно тесные связи ЛДП с бюрократией позволяли учитывать многосторонние интересы общества при выработке государственной политики.

В 1960 г. была создана сложная система предварительного согласования, при которой все правительственные законопроекты проходили достаточно скрупулёзное согласование в структурах правящей партии на предмет соответствия политическому курсу ЛДП. Для этого в Совете по политическим вопросам ЛДП (*сэйму тёсакай*) были созданы специализированные секции (*букай*), консультативные советы (*сингикай*), экспертные группы (*тёсакай*) и комиссии (*сёиинкай*), призванные обеспечить экспертную оценку содержательной стороны правительственных документов, поступающих на рассмотрение кабинета министров. Само решение партии по конкретному вопросу проходило процедуру утверждения в Совете по общим вопросам, который выверял правовые и организационно-процедурные аспекты каждого документа. Данная партийно-правительственная система подготовки решений (зародившаяся ещё в период власти Либеральной партии в первой половине 1950-х годов) была внедрена премьер-министром Икэда Хаято (1960–1964 гг.), который возглавлял в Либеральной партии Совет по политическим вопросам и уже имел соответствующий опыт [Суэтакэ, 2011, с. 223–224].

У главного оппонента ЛДП – СПЯ также имелась система политической проработки решений. Однако в подходе к любым вопросам она делала основной упор на идеологическую сторону дела, а точнее – на соответствие любых партийных решений программно-политическим установкам партии. Такой подход был оправданным в период

«идеологической политики» 1955–1960 гг., когда практически любой пункт парламентской повестки дня оценивался по критерию оси «реформаторы – консерваторы». Однако с 1960 г., когда идеологические вопросы отошли на задний план, приоритет идеологии в подходе к любым вопросам государственной политики стал слабым звеном СПЯ, отпугивая от неё многих потенциальных избирателей, критически настроенных по отношению к действующей власти.

К тому же с 1950 г. СПЯ опиралась на поддержку профсоюзного объединения Сохё, которое после раскола 1954 г. (когда от него откололись правые профсоюзы) стало всё сильнее ориентироваться на классовый подход, требуя от своего политического агента в лице Социалистической партии отстаивать в первую очередь интересы наёмных работников крупных предприятий. Это сужало для СПЯ возможности для политического маневрирования и для рекрутирования дополнительных электоральных сегментов, не обязательно относящихся к наёмной рабочей силе. Не имея связей с бюрократией и опираясь в основном на профсоюзных лидеров, СПЯ была обречена стать «антисистемной» партией, которая всю свою политику строит на критике существующей системы и не ставит перед собой задачу реального прихода к власти. Если даже в период «идеологической политики» 1955–1960 гг. СПЯ не могла получить больше трети голосов избирателей, то после 1960 г. возможность обретения парламентского большинства стала для неё практически нереальной.

Огромное значение для системы власти ЛДП играла её идейно-политическая гибкость. В экономической политике ЛДП активно брала на вооружение широкий инструментарий методов социально-экономического регулирования, носящих либеральный, с точки зрения экономической теории, характер. Кроме того, консерваторы вынесли на своих плечах и социалистические по сути мероприятия: земельную реформу, меры по введению всеобщего обязательного образования и т.д.

В частности кабинеты Н. Киси (1957–1960 гг.) проводили внутреннюю политику, сочетавшую в себе элементы либерализма и социализма, заложившую основы эгалитарности японского социума. Тогда же в стране были введены первые виды всеобщего социального страхования, включая первую модель публичной пенсионной системы, было принято законодательство о минимальной заработной плате и т.д. В период администрации Н. Киси стала оформляться масштабная дистрибутивная система, обеспечившая в дальнейшем высокий уровень эгалитарности японского общества за счёт перераспределения значительной части общественного дохода. Уместно вспомнить также деятельность кабинетов неоконсерватора Я. Накасонэ (1982–1987 гг.), к числу достижений которых многие справедливо относят успешную реализацию масштабной пенсионной реформы, заложившей основу современной системы социального обеспечения.

Таким образом, важным признаком «системы 1955 года» было отсутствие базового конфликта между основными политическими силами по вопросам внутренней политики. Несмотря на дисбаланс сил между правящим блоком и оппозицией, который по логике вещей должен был привести к ущемлению прав меньшинств (поскольку доминантной партии формально не было особого смысла учитывать интересы оппозиции), механизмы обратной связи правящей партии с обществом позволяли эффективно учитывать, консолидировать и доносить до государства все усложняющиеся интересы и ценности отдельных социальных групп и слоёв. Фактически «система 1955 года» позволяла «упрощать» сложные и многогранные общественные интересы, доводя их до государства.

Прагматизм и конформизм ЛДП, деидеологизация её программных установок, гибкость политической линии и высокая адаптивность к меняющейся внутривнутриполитической ситуации не позволяют оценить «систему 1955 года» как классическую форму идеологического противостояния «правых» и «левых» сил или использовать для её характеристики какие-либо жёсткие идейно-политические критерии. Скорее «систему 1955 года» можно позиционировать как феномен удачного институционального структурирования различных по своей идейной ориентации партий, который привёл к устойчивой партийно-политической конструкции, отвечавшей потребностям периода холодной войны.

Эпоха «системы 1993 года» закончилась в 1993 г., сразу после завершения биполярной эпохи. ЛДП в июле 1993 г. не получила простого большинства на выборах в нижнюю палату парламента. В августе того же года к власти приходит семипартийная коалиция без участия либерал-демократов, что ознаменовало собой переход политической истории страны к эпохе коалиционных правительств. И хотя ЛДП менее чем через год вернулась к власти, она уже не могла удерживать её, не прибегая к помощи партнёров по коалиции. Это означало, что феномен доминантной партии (как единственной партии власти) стал для Японии достоянием истории.

Имеется несколько причин завершения «эпохи 1955 года». Первая из них – внешнеполитическая. «Система 1955 года» служила для Японии формой внутривнутриполитического измерения внешнего биполярного мира. Основная ось идеологического противостояния между партиями лежала по вопросу об отношении к военно-политическому союзу с Америкой. ЛДП выступала за сохранение и развитие этого союза и за всестороннюю внешнеполитическую ориентацию на Вашингтон. Соответственно, наиболее влиятельная оппозиционная сила – Соцпартия Японии – поддерживала по всем вопросам внешней политики СССР и страны социализма. Смысл существования идеологической конфронтации между партиями исчез в связи с распадом СССР и завершением биполярной эпохи.

Другая причина носила экономический характер. На фоне затяжной экономической стагнации и изменения модели экономического развития существенно понизилась роль политической власти как субъекта перераспределения избыточного общественного продукта. Стало невозможно постоянно финансировать многочисленные инфраструктурные проекты, имеющие нулевую отдачу, но кормящие солидную часть корпоративного сектора, особенно в регионах.

Трансформировалась и электоральная психология. Новое поколение избирателей было рождено и воспитано в городской среде и утратило те земляческие связи, которые приковывали их родителей к «родной деревне», в результате чего японский электорат перестал мириться с масштабной перераспределенческой политикой центра, проводимой на деньги налогоплательщиков. В этих условиях политические субъекты утратили возможность апеллировать к патриотизму выходцев из определённой местности и были поставлены перед необходимостью привлекать избирателей путём выдвижения политических программ, постановки общенациональных задач и т.д.

Важным фактором политических трансформаций начала 1990-х стало и то, что правящая партия оказалась дискредитированной в глазах избирателей в результате серии коррупционных скандалов конца 1980-х годов, в которые оказалась втянутой вся верхушка ЛДП. Стремительное расширение политической коррупции, в основе которой лежали массовые злоупотребления депутатами правящей партии своими prerogative в деле

перераспределения общественного богатства, вызвало массовое недовольство правящей партией, которая оказалась неспособной к самореформированию [Kohno, 1997, p. 6-7].

В этих условиях ЛДП уже не могла опираться только на традиционные механизмы электоральной мобилизации, основанные на наличии большого количества «твёрдых голосов». От неё требовалось найти новую идентичность. Система власти ЛДП оказалась уязвимой перед лицом новых вызовов эпохи и не устояла перед ними.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Латышев И.А.* Правящая Либерально-демократическая партия Японии. М.: Наука, 1967.
- Макаров А.А.* Политическая власть в Японии. М.: Наука, 1988.
- Окадзава Норико.* Сэйдзи сисутэму-но хэнъё : [Трансформация политической системы] // 55 тайсэй-но хокай : [Распад «системы 1955 года»]. Токио: Иванами сётэн, 1996.
- Суэтакэ Ёсия, Такэда Томоми.* Нихон сэйтоси : [История политических партий Японии]. Токио: Ёсивара бункан, 2011.
- Танака Наоки.* Нихон сэйдзи-но косо : [Концепция японской политики]. Токио: Нихон кэйдзай симбунся, 1994.
- Ямагути Ясуси.* Сэйдзигаку-но ситэн кара : [С позиций политологии] // Ямагути Ясуси, Миямото Кэнъити (ред.) Сэнго годюнэн-о до миру ка : [«Как оценить 50 послевоенных лет?»]. Киото: Дзимбун сёин, 1998.
- Curtis, Gerald L.* The Japanese Way of Politics. NY: Columbia University Press, 1988.
- Hrebenar, Ronald J.* The Japanese Party System. Oxford: Westview Press, 1992.
- Kohno M.* Japan's Postwar Party Politics. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Masumi, Junnosuke.* Contemporary Politics in Japan. Translated by Lonny E. Carlile. Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press, 1995.
- Richardson, Bradley.* Japanese Democracy. New Haven and London: Yale University Press, 1997.

REFERENCES

- Curtis, Gerald L. (1988). The Japanese Way of Politics, NY: Columbia University Press.
- Hrebenar, Ronald J. (1992). The Japanese Party System, Oxford: Westview Press.
- Kohno M. (1997). Japan's Postwar Party Politics, Princeton: Princeton University Press.
- Latyshev, I.A. (1967). Pravyashchaya Liberal'no-demokraticeskaya partiya Yaponii [The Ruling Liberal Democratic Party of Japan], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Makarov, A.A. (1988). Politicheskaya vlast' v Yaponii [The Political Power in Japan], Moscow: Nauka. (In Russian).
- Masumi, Junnosuke (1995). Contemporary Politics in Japan, translated by Lonny E. Carlile, Berkeley and Los Angeles: University of Columbia Press.
- Okazawa, Norio (1996). Seiji shisutemu-no hen'yo [Transformation of the Political System], in 55 taisei-no hokai [The Collapse of the "1955 System"], Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).
- Richardson, Bradley (1997). Japanese Democracy, New Haven and London: Yale University Press.
- Suetake, Yoshiya and Takeda, Tomomi (2011). Nihon seitoshi [The History of Japanese Political Parties], Tokyo: Yoshiwara bunkan. (In Japanese).

Tanaka, Naoki (1994). *Nihon seiji-no koso* [The Concept of Japanese Politics], Tokyo: Nihon keizai shimbunsha. (In Japanese).

Yamaguchi, Yasushi (1998). *Seijigaku-no shiten kara* [From the Positions of Political Science], in Yamaguchi, Yasushi and Miyamoto Ken'ichi (eds.) *Sengo gojunen-o do miru ka* [How Should We Evaluate the 50 Postwar Years?], Kyoto: Jimbun shoin. (In Japanese).

Поступила в редакцию 13.08.2019

Received 13 August 2019

Для цитирования: Стрельцов Д.В. «Система 1955 года» как уникальный исторический феномен // Японские исследования. 2019. № 4. С. 88–102. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10030

For citation: Streltsov D.V. (2019). “Sistema 1955 goda” kak unikal’nyy istoricheskiy fenomen [The System of 1955 as a unique historical phenomenon], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 4: 88–102. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10030